Зарубежное уголовное право

Причинная связь в уголовном праве Англии

Иван Анатольевич КЛЕПИЦКИЙ,
профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
oupi@ya.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация. *В статье разъясняется для российского читателя учение о причинной связи в уголовном праве Англии. На этой основе делаются выводы: 1) предложенное в российской теории сведéние причинной связи к condition sine qua non нецелесообразно; 2) концепция вины не позволяет ограничить круг уголовно наказуемых деяний разумными пределами; 3) английское понимание причинной связи в уголовном праве слишком несовершенное, сложное и казуистичное, чтобы его можно было использовать для заимствования, трактовка причинной связи в конкретных делах представляется слишком широкой; 4) разумной основой в английской доктрине является понимание того, что причинную связь нельзя понимать в контексте сугубо механистическом, понимание причинной связи непосредственно затрагивает уголовную политику и нравственность; 5) «предосудительность» деяния представляется лучшим признаком юридически значимой для уголовного права причинной связи, нежели его «опасность» (как предложено В. Н. Кудрявцевым).*

Ключевые слова: *уголовное право, причинность, Англия, Россия, метод исключения, conditio sine qua non, юридическая причинная связь.*

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.98.10.096-109

IVAN A. KLEPITSKY,
Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor
oupi@ya.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Causal Relationship in the Criminal Law of England

Abstract. *This article explains for the Russian reader the doctrine of causation in the criminal law of England. As a result, the following conclusions are drawn: 1) the reduction of causation to a cause sine qua non promoted in the Russian theory of criminal law is inappropriate; 2) mens rea does not allow limiting the range of punishable acts to reasonable limits; 3) the English understanding of causality in criminal law is not very perfect, it is contradictory and casuistic and so it is unsuitable for reception, the interpretation of causality in many cases seems too broad; 4) a useful basis of English doctrine is the understanding that causation cannot be interpreted in a purely*

© И. А. Клепицкий, 2022

mechanistic context, the understanding of causation directly affects criminal policy and morality; 5) "blameworthiness" of an act seems to be a better criterion for a causation than its "danger" (as suggested by V. N. Kudryavtsev).
Keywords: *criminal law, causation, England, Russia, "bat for" test, cause sine qua non, legal causation.*

В России есть богатая литература по вопросам причинной связи в уголовном праве. Тем не менее З. Б. Сокоев отмечает, что в четверти опубликованных материалов уголовных дел, в которых вопрос о причинной связи был небесспорным, представленные в литературе теории причинной связи судами не использовались, причинная связь просто определялась как «непосредственная» или «прямая», в остальных же случаях и вовсе «ситуация разрешалась судьей (судом) интуитивно, без аргументации, казуистически»[1]. Таким образом, в нашей доктрине не выработано пока общепризнанного пригодного для практики понимания причинной связи.

Причинная связь — категория не столько научная, сколько философская, мировоззренческая, что объясняет проблемы в ее понимании. Ее нельзя измерить и сложно точно и понятно определить средствами языка. При этом пригодное для практики понимание причинной связи необходимо для единообразного применения закона. В этом контексте представляют интерес зарубежные уголовно-правовые концепции. Английское право, хотя и относится к чуждой нам правовой семье, но в последние десятилетия семья эта оказывает на прочие правовые системы заметное влияние посредством как международных судов и арбитражей, так и иного культурного воздействия.

Следует учитывать, что в английском праве причинная связь имеет большее практическое значение, нежели в российском ввиду существования строгой ответственности (*strict liability*), когда уголовная ответственность наступает по факту причинения вреда без вины в нашем ее понимании. Следует учитывать также, что вопрос о наличии причинной связи в Англии — это вопрос факта, который в процессе с участием присяжных заседателей решается присяжными. И этот вопрос факта тесно переплетается с вопросами права[2].

В большинстве случаев причинная связь очевидна, и ее можно специально не доказывать. В спорных случаях бремя доказывания ложится на сторону обвинения[3]. Если при этом дело рассматривается с участием присяжных, судья инструктирует их о том, как они в конкретном деле должны установить причинную связь. Существенное значение имеют как вопросы, поставленные судьей перед присяжными, так и разъяснения, данные им (для них они не обязательны, но неправильное разъяснение может повлечь отмену приговора).

---

1 *Сокоев З. Б.* Причинность и объективная сторона преступления. М., 2015. С. 72—73.

2 *Ormerod D.* Smith and Hogan Criminal Law. Oxford ; NewYork, 2008. P. 75.

3 *Ormerod D.* Op. cit. P. 74.
Нужно учитывать, что в семье общего права, в отличие от России, бремя доказывания не лежит целиком на стороне обвинения, оно распределено между сторонами.

Господствующая концепция причинной связи имеет корни в общем праве, и судебный прецедент остается единственным источником права в этой области[4].

Причинная связь (*causation*) в английской доктрине, как и в российской, рассматривается в качестве элемента объективной стороны преступления (*actus reus*), ее установление необходимо для любого преступления, признаком которого являются те или иные последствия (*result crimes*)[5]. Причиной при этом может быть как действие, так и бездействие, если есть правовая обязанность совершить действие.

В английском праве различаются: 1) фактическая причинная связь (*factual causation, causation in fact*); 2) юридическая причинная связь (*legal causation, causation in law*), которую иногда называют также непосредственной (*proximate*) или вменяемой (*imputable*). Установление причинной связи включает два этапа: сначала устанавливается связь фактическая, затем юридическая[6]. В любом случае установление причинной связи ввиду мировоззренческой ее природы представляет собой своеобразную игру с сознанием человека.

Для установления *фактической причинной связи* определяющее значение, как и в нашей доктрине, имеет метод исключения (*but-for test*). Суд отвечает на вопрос о том, наступило ли бы последствие, если бы деяние не было совершено[7]. Положительный ответ исключает причинную связь. Этот метод, однако,

---

[4] В 1989 г. Комиссия по праву (*Law Commission*) разработала проект уголовного кодекса, в котором были закреплены правила установления причинной связи (см.: *Heaton R., De Than C.* Criminal Law. Oxford, 2011. P. 44), а в 2002 г. доработала эти правила (см.: *Ormerod D.* Op. cit. P. 92—93).

[5] При этом существуют и преступления с формальным в нашем понимании составом (*conduct crimes*), где причинную связь устанавливать не требуется.

[6] В теоретической литературе двойственная трактовка причинной связи критикуется. К примеру, Э. Витдженс предлагает отказаться о нее в пользу развития юридического учения об эмпирической причинности, при этом, однако, как отвергая характерное для медицины понимание причинности в качестве типичной связи (теория адекватной причинности в нашем понимании), так и критикуя метод исключения в разных его трактовках (см.: *Witjens E.* Considering causation in criminal law // The Journal of Criminal Law. 2014. 78 (2)). В качестве аргумента приводится, в частности, то обстоятельство, что не во всех случаях можно установить причинную связь в контексте условия *sine qua non*, когда деяние явно заслуживает наказания в контексте уголовной политики и здравого смысла. Автор отмечает, что, казалось бы, простая ситуация с заражением ВИЧ-инфекцией не дает полной уверенности относительно того обстоятельства, что потерпевший не мог заразиться от другого лица, а не от обвиняемого, вступившего в половое сношение с потерпевшим, осознавая наличие инфекции.

[7] В качестве классического примера в учебной литературе нередко приводят дело Уайта (R v White [1910] 2 KB 124), пытавшегося отравить свою мать цианидом, добавленным в лимонад. Мать, отпив немного, умерла, как установлено экспертизой, от инфаркта, а не от отравления. Тем не менее Уайт был обвинен в убийстве. Апелляционный суд постановил, что Уайт не может нести ответственность за убийство ввиду того, что его деяние не является *causa sine qua non*, потому что его мать умерла бы и без яда. В итоге Уайта осудили не за убийство, а за покушение на него. При этом даже простая

не работает в случае, когда совершено несколько действий, причинивших вред, каждое из которых было достаточным для его причинения. К примеру, два человека одновременно или с небольшим промежутком времени нанесли потерпевшему смертельные ранения, в результате чего он скончался. Суды в такой ситуации решили не доводить метод исключения до абсурда, постановили руководствоваться здравым смыслом (*common sense*) и признавать оба деяния причиной вреда[8].

Это представляется разумным, например, когда достоверно невозможно установить, какая именно рана, кем нанесенная, причинила смерть. Российская доктрина в ее строгой трактовке в такой ситуации требует уяснить, чья именно рана является причиной смерти, квалифицировав действия другого лица как покушение (за исключением некоторых форм соучастия). Впрочем, можно предположить, если достоверный ответ на этот вопрос получить нельзя, что в российском суде здравый смысл также возобладает и обоих преступников признают исполнителями преступления, в том числе и при неосторожном сопричинении.

Фактическая причина, *conditio sine qua non*, не всегда может рассматриваться в качестве причины, значимой в уголовном праве. К примеру, если гражданка родила ребенка, тот вырос и совершил убийство, зачатие ребенка не будет причиной смерти потерпевшего. На почве методологического кризиса среди некоторых российских правоведов наметился отход от «марксистской» теории необходимого причинения на позиции теории эквивалентности (та же самая теория *conditio sine*

концепция *sine qua non* не всегда приводит к бесспорным результатам. Ранее, в 1908 г., фактическая причинная связь была установлена в деле Дайсона (R v Dyson [1908] 2 KB 454), убившего своего ребенка. Дайсон избил ребенка, причинив травму мозга, которая при обычном течении влекла смерть. Ребенок прожил более 101 дня, поэтому Дайсона осудили не за убийство, а за нападение, причинившее вред здоровью. Отбыв наказание, Дайсон снова избил ребенка, и тот скончался. В итоге суд, приняв во внимание доводы защиты о том, что ребенок со временем все равно умер бы от первой травмы, тем не менее осудил его за простое убийство (*manslaughter*), исходя из того, что Дайсон ускорил смерть.

[8] Судебная доктрина в части опоры на здравый смысл критиковалась в литературе, в частности, была предложена альтернатива методу исключения, причиной было рекомендовано считать деяние не необходимое, а достаточное для наступления последствий, однако суды отказываться от метода исключения не стали. См.: *Hart H. L. A., Honore A. M.* Causation in the Law. Oxford, 1959. Указанные авторы также предложили различать разные степени причинения, что и в российской литературе предлагал А. Н. Трайнин (*Трайнин А. Н.* Избранные труды. М., 2004. С. 114—115). В современной английской литературе «метафизическая» теория скалярной (т.е. измеримой, допускающей разные степени) причинности представлена в труде М. С. Мура (*Moore M. S.* Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals and Metaphysics. Oxford, 2009).

qua non)[9], когда считается, что проблему чрезмерной криминализации решают субъективные признаки преступления[10].

Но нельзя забывать о том, что вина может быть не связана с волевой направленностью на результат, она может быть выражена в форме косвенного умысла или неосторожности. При таком подходе зачатие ребенка можно считать виновной причиной всякого вреда, им причиненного, как минимум по неосторожности. Поэтому подход этот неправильный. В английском праве не всякое условие (фактическая причина) рассматривается в качестве причины юридической, судебная практика выработала не очень стройную в философском контексте, казуистичную, но в целом понятную и пригодную для практического применения в английских судах концепцию юридической причины.

Для *юридической причинности* необходимо, чтобы причина была: 1) существенной; 2) предосудительной; 3) действующей. Уяснение юридической причинности представляет собой, по существу, нравственную[11] и уголовно-политическую оценку содеянного.

Причина признается *существенной* (*substantial*), если она «более чем минимальна», ею нельзя пренебречь. Признак оценочный, он обычно принимается во внимание, когда последствие наступило в результате деяний нескольких лиц, при этом не требуется, чтобы деяние было единственной или основной причиной[12]. На практике тест для присяжных довольно прост: «способствовали ли деяния, за которые ответствен подсудимый, в значительной степени (*significantly*) смерти подсудимого»[13].

---

[9] Называть эту теорию «материалистической» не сто́ит, она позитивистская, и при этом вполне идеалистическая. В основе ее лежит все тот же метод исключения, который основан на обращении к житейскому опыту, здравому смыслу и интуиции. Опыт, в свою очередь, основан на обобщении повторяемости событий, осмыслении типичности взаимосвязей между ними. По сути, это упрощенный для публики вариант теории адекватной причинности, которую А. А. Пионтковский справедливо рассматривал как идеалистическую (см.: Курс советского уголовного права : в 6 т. М., 1970. Т. 2 / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. С. 180).

[10] См., например: *Малинин В. Б.* Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000.

[11] См., например: *Heaton R., De Than C.* Op. cit. P. 31—32 ; *Herring J.* Criminal Law. London, 2009. P. 50—51.

[12] *Thomas M.* Criminal Law. Saltford, 2020. P. 65.

[13] R v Warburton and Hubbersty [2006] EWCA Crim 627. Несколько лиц были осуждены за причинение смерти, эксперт установил, что причиной смерти были ножевые ранения, удары тупым предметом и утопление. Два осужденных обжаловали приговор. Уорбертон утверждал, что всего лишь дал пощечину потерпевшему под давлением других обвиняемых и больше ничего не делал. Судья разъяснил присяжным, что, если они сочтут, что это правда или может быть правдой, этого достаточно для признания его виновным в простом убийстве. Присяжные неоднократно обращались к судье за разъяснениями и в итоге признали Уорберторна виновным. Защита была основана на том, что приговор должен быть отменен ввиду неуверенности присяжных. Второй апеллянт признался в том, что ударил потерпевшего тупым предметом и оспаривал правомерность наставления, данного судьей, указавшим присяжным, что для установления причинной связи

Деяние должно быть *предосудительным* (*blameable*[14], *wrongful*[15]) изначально, без учета наступившего последствия, ведь человек не всегда предвидит последствия своего деяния[16]. Причем причинная связь должна быть установлена между предосудительным деянием и последствием, предосудительности как таковой недостаточно. Ключевой прецедент имел место в 1847 г.[17] Подсудимый, управляя телегой, бросил поводья, оставив их на спине лошади, что само по себе предосудительно в смысле небрежного управления. Трехлетний ребенок внезапно выбежал на дорогу в нескольких ярдах от телеги, был сбит и скончался, было выдвинуто обвинение в причинении смерти по неосторожности. Суд оправдал подсудимого, указав, что, хотя его поведение и было небрежным, он не смог бы вовремя остановить телегу, чтобы спасти потерпевшего, если бы держал поводья в руках. В данном случае причиной (фактической) был сам факт движения телеги по дороге (деяние непредосудительное), а не небрежное управление ею.

Впоследствии не без участия законодателя эта доктрина ставилась под сомнение. Подсудимый Марш на угнанном автомобиле попал в аварию, в которой одному из участников был причинен вред здоровью, и был осужден за угон при отягчающих обстоятельствах по ст. 12A Закона о хищении 1968 г.[18] В качестве отягчающего обстоятельства вменялось причинение вреда здоровью. Встал вопрос о том, нужна ли для применения этой нормы вина в отношении причинения вреда здоровью. В итоге суд постановил, что вина не требуется, достаточно факта управления автомобилем[19]. Тем самым и причинная связь была, по существу, сведена к «фактической». Угон предосудителен, но вред причинен не в результате опасного управления автомобилем, а в результате управления автомобилем как таковым, этого оказалось достаточно для вменения ст. 12A.

Статья 3ZB Закона о дорожном движении 1988 г.[20] (введена в действие 18 августа 2008 г.) предусматривает наказание за причинение смерти при управлении автомобилем без прав или без страховки, причинная связь при применении данной статьи была истолкована судом в деле Уильямса сходным с делом Марша

нужно решить, способствовали ли деяния в значительной степени смерти подсудимого. Он полагал, что судья должен был разъяснить присяжным, что те должны установить факт, что потерпевший умер от травм, которые он непосредственно ему нанес. Суд отменил приговор в отношении Уорбертона, исходя из того, что судья обязан был дать более ясное разъяснение по применению права при обстоятельствах, когда присяжные испытывали затруднения. Приговор в отношении второго апеллянта был оставлен в силе, апелляционный суд признал разъяснение судьи о причинной связи правильным.

[14] *Thomas M.* Op. cit. P. 65.

[15] *Herring J.* Op. cit. P. 52 ; *Ashworth A.* Principles of Criminal Law. Oxford, 2009. P. 102.

[16] Ср.: «Действие... должно быть объективно опасным в момент его совершения для охраняемого законом объекта» (*Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 207).

[17] R v Dalloway (1847) 2 Cox CC 273.

[18] Theft Act 1968.

[19] R v Marsh [1997] 1 Cr App R 67.

[20] Road Traffic Act 1988.

образом[21]. Прецедент этот, однако, не устоял. В октябре 2009 г. Хьюз, не имея страховки и прав, вез свою семью в доме на колесах, попал в аварию. Виновник столкновения, водитель другого автомобиля, управлявший автомобилем в состоянии наркотического опьянения, погиб. Суд установил, что Хьюз вел автомобиль безупречно, он ничего не мог сделать, чтобы избежать столкновения. Суд первой инстанции оправдал Хьюза, но к моменту рассмотрения апелляции вступил в силу приговор по делу Уильямса, был создан прецедент, и в итоге Хьюз был осужден в апелляционной инстанции. Хьюз обжаловал приговор в Верховный суд. Обвинитель исходил из того, что для вменения причинения смерти по ст. 3ZB достаточно того, что Хьюз находился за рулем на дороге, не имея прав и страховки, такова воля законодателя. Тем не менее позиция обвинения не была последовательной. Обвинитель согласился с тем, что ст. 3ZB не будет применяться в случае самоубийства потерпевшего, бросившегося под колеса, или его умышленного убийства, если другой водитель использует для этого свой автомобиль. При таких обстоятельствах суд решил, что «трудно увидеть, где еще можно провести черту, необходимо следовать нормальному подходу к причинной связи, принятому в общем праве». В итоге суд сделал вывод, что для вменения ст. 3ZB имеет значение манера вождения, которая более чем минимально должна способствовать смерти, утвердив решение суда первой инстанции[22]. В 2016 г. подобное же решение было принято Верховным судом и по делу об угоне (ст. 12A Закона о хищении 1968 г.)[23] В итоге концепция причинной связи, выработанная в общем праве, устояла против законодательных атак.

В деле Хьюза, обосновывая принятое решение, суд сослался на мотивировку другого решения, принятого в 2000 г.: «Парламентский суверенитет означает, что парламент может, если выберет это, законодательствовать вопреки фундаментальным принципам прав человека... Но принцип законности означает, что парламент должен прямо представлять то, что он делает, и платить за это политическую цену. Основные права не могут быть переписаны общими или двусмысленными словами, потому что слишком велик риск того, что последствия их широкого смысла могут остаться незамеченными в демократическом процессе. В отсутствие ясно выраженных формулировок или неизбежного вывода о противном суды, таким образом, презюмируют, что даже самые общие слова должны подчиняться основным правам личности»[24]. В деле Хьюза суд учел, что речь об основных правах не идет, но «тяжесть осуждения за причинение смерти, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, такова, что, если парламент желает заменить обычный подход к причинной связи, выработанный общим правом, и заменить его другим правилом, он должен сделать это недвусмысленно»[25].

Причина должна быть *действующей* (*operative*), развитие причинной связи не должно прерываться другой привходящей причиной (*novus actus interveniens*),

---

[21] R v Williams [2011) 3 All ER 969.

[22] R v Hughes [2013] UKSC 56, [2013] 1 WLR 2461.

[23] R v Taylor [2016] UKSC 5.

[24] R v Secretary of State for the Home Department ex parte Simms and O'Brien [2000] 2 AC 115, 131E.

[25] R v Hughes [2013] UKSC 56, [2013] 1 WLR 2461.

разрывающей цепь развития причинной связи. В этом качестве рассматриваются действия других лиц, в том числе потерпевшего, а также деяния Бога (act of God), которые при желании можно рассматривать и в качестве проявления сил природы.

В любом случае привходящая причина должна «настолько не зависеть от деяния подсудимого, чтобы ее следовало рассматривать юридически как причину смерти потерпевшего для исключения деяния подсудимого»[26].

Считается, что привходящая причина не может разорвать причинную связь, если она только дополняет или усугубляет последствие деяния подсудимого, в этом случае деяние подсудимого остается причиной существенной и действующей. Если привходящая причина — деяние человека, оно должно быть свободным (*free*), волевым (*deliberate*) и осознанным (*informed*). Деяние признается *свободным* (от деяния подсудимого), если оно (1) не является обычным или предвидимым следствием деяния подсудимого или (2) является деянием правомерным или извинительным[27]. *Волевое* деяние имеет место, когда в нем выражена воля лица и отсутствует принуждение[28]. *Осознанность* деяния обычно исключает понимание в качестве привходящей причины, прерывающей связь, деяния лиц, у которых отсутствует вина в причинении последствия[29].

---

[26] В деле Пагетта (R v Pagett (1983) 76 CrAppR 279) апеллянт выстрелил в полицейского, после чего использовал свою беременную подругу в качестве живого щита. Полицейский открыл огонь и убил женщину. Апеллянт оправдан по обвинению в тяжком убийстве (*murder*) женщины, но осужден за причинение ей смерти (*manslaughter*). Защита исходила из того, что деяние полицейского является *novus actus interveniens*, причинная связь прервана. Приговор оставлен в силе, при этом суд обратился к стандарту трезвомыслящего и разумного человека, который не мог не понимать, что совершенные деяния (выстрел в полицейского и использование потерпевшей в качестве живого щита) могут повлечь гибель девушки (является существенной и действующей причиной).

[27] К примеру, в упомянутом деле Пагетта суд исходил из того, что действия полицейского не были свободными от деяния осужденного, он действовал разумно, защищая свою жизнь и исполняя обязанность по задержанию преступника.

[28] Требования к волевому характеру деяния невысокие. Протестантский проповедник выступал с антикатолическими речами, результатом которых были беспорядки с применением насилия в нарушение судебного запрета на такую деятельность. Суд установил причинную связь речей проповедника с насилием, сочтя, что действия толпы не были волевыми, они были инстинктивными, необдуманными (столь узкая трактовка волевого действия остается небесспорной в английской литературе). При рассмотрении гражданского иска по общему правилу считается, что развитие причинной связи прерывается неосторожными действиями истца. В уголовном праве это правило не работает, хотя волевой характер деяния и трактуется широко, например, при автотранспортных правонарушениях.

[29] Женщина решила отравить своего ребенка, с этой целью она дала работнице, ухаживающей за ним, бутылку с лауданумом, сообщив, что это лекарство. Та решила, что такое лекарство ребенку не нужно и поставила бутылку на полку. Пятилетний ребенок работницы, тем не менее, взял бутылку с полки и дал больному, который в итоге скончался. Суд не счел причинную связь между деянием матери и смертью ребенка прерванной (R v Michael (1840) 9 C&P 356). Если бы пятилетний ребенок выпил «лекарство» сам — содеянное

В части *бездействия* современная практика исходит из того, что бездействие третьего лица (т.е. не являющегося подсудимым и потерпевшим) не может быть привходящей причиной, прерывающей причинную связь, хотя вопрос этот остается небесспорным[30].

Теория привходящей причины как свободного, волевого и осознанного деяния была поставлена под сомнение в 1999 г. новой концепцией, дополнившей привходящую причину признаком экстраординарности, но в итоге она устояла как общее правило, допускающее исключения[31].

Применительно к некоторым преступлениям возможен отход от теории свободного волевого и осознанного деяния. Так, применительно к *автотранспортным преступлениям*, считается, что разрыв развития причинной связи возможен не только волевым, но и неосторожным действием. В деле Гирдлера[32] в результате столкновения трех автомобилей водители двух погибли, выжил водитель, чей автомобиль ударил в заднюю часть такси, которое в итоге выехало на полосу встречного движения, где и произошла катастрофа. Сомнение вызывала причинная связь первого столкновения со смертью водителя такси. Волевого действия у водителя, ехавшего во встречном направлении, не было, это была женщина, в крови которой был обнаружен алкоголь. Защита исходила из того, что она причинила смерть водителю такси и себе самой, непосредственной причиной смерти было второе столкновение, но прерывало ли оно развитие причинной связи? В такой ситуации судья заменил волевое деяние «разумной предсказуемостью» последствий для подсудимого. Признак этот не субъективный, а объективный, это предсказуемость не с точки зрения подсудимого, а с точки зрения разумного

также рассматривалось бы в качестве оконченного умышленного убийства в контексте доктрины «перенесенного злого умысла» (*transferred malice*). В российской литературе по этому вопросу есть небесспорная концепция, согласно которой «отклонение действия» (*aberratio ictus*) рекомендуется квалифицировать как покушение и причинение вреда по неосторожности. См., например, *Курченко В. Н.* Проблемы квалификации преступлений в условиях фактической ошибки // Российский судья. 2003. № 9. Если личные свойства потерпевшего не влияют на квалификацию (объект тождественный), более удачным и основанным на законе представляется иное решение: содеянное представляет собой оконченное преступление без искусственной совокупности. См., например: *Спиридонова Л. Э.* Уголовно-правовое значение фактической ошибки в личности потерпевшего при квалификации преступлений против жизни // Криминалистъ, 2012. № 2 (11). С. 62. К такому решению склоняется и германская теория эквивалентности объектов (Gleichwertigkeits theorie).

[30] См., например: *Thomas M.* Op. cit. P. 80 ; *Ashworth A.* Op. cit. P. 111—112.

[31] Компания осуждена за разлив нефти в результате акта вандализма, совершенного лицом, не имеющим к ней отношения, компания при этом не предприняла мер предосторожности против актов вандализма. Суд счел, что волевого осознанного деяния вандала недостаточно для прерывания причинной связи, это должно быть что-то экстраординарное, то, что нельзя предвидеть (Empress Car Co (Abertillery) Ltd v National Rivers Authority [1999] 2 AC 22). В деле Кеннеди (R v Kennedy (No 2) [2008] 1 AC 269), тем не менее, суд постановил, что правило, выработанное в деле Empress Car Co (Abertillery) Ltd v National Rivers Authority, распространяется только на экологические правонарушения.

[32] R v Girdler [2009] EWCA Crim 2666, [2010] RTR 28.

человека (признак оценочный, ответ дали присяжные, оценив ситуацию). Осталась, тем не менее, неясность относительно вопроса о том, какие именно факты должен был предвидеть подсудимый.

В другом деле подсудимый неправильно припарковал свой автомобиль на обочине магистрали, аварийная сигнализация не была включена, фары и габаритные огни были выключены. Водитель грузовика заснул за рулем и выехал с внешней стороны дороги на обочину, в результате столкновения погиб пассажир припаркованного автомобиля. Обвинение предъявили обоим водителям. Судья разъяснил присяжным, что нужно установить, можно ли было в этой ситуации разумно предвидеть конкретные обстоятельства, то, что грузовик пересечет несколько полос движения, выедет на обочину, произойдет столкновение и в результате погибнет человек. Подсудимого оправдали. Апелляционный суд решил иначе, указав, что предвидение конкретных обстоятельств в подробностях не требуется. Достаточно разумного предвидения того, что другое транспортное средство может выехать с проезжей части и столкнуться с припаркованным таким образом автомобилем: «Если водитель оставляет машину на обочине автомагистрали на 15 минут в 4:30 утра ноябрьским утром, не зажигая никаких огней, присяжные могут правильно заключить, что могло произойти какое-то столкновение и это может привести к смерти или серьезной травме»[33].

Медицинское вмешательство (неправильное лечение и др.) может лишь в редких случаях быть деянием, прерывающим причинную связь, для этого случай должен быть «крайне экстраординарным и нетипичным»[34].

---

[33] R v A [2020] EWCA Crim 407.
Российская практика в подобном случае с большой вероятностью ограничилась бы уголовным преследованием водителя грузовика. При этом лицу, неправильно припарковавшему автомобиль, даже гражданская ответственность не грозила бы, так как стоящий автомобиль источником повышенной опасности у нас не признается, а виновник ДТП — водитель грузовика.

[34] В 1956 г. в деле Джордана (R v Jordan (1956) 40 CrAppR 152) было установлено, что медицинское вмешательство может разорвать развитие причинной связи. Потерпевшего с ножевым ранением доставили в больницу, где врач ввел ему препарат, от аллергии на который тот скончался. Джордан, нанесший ножевое ранения, был осужден за причинение смерти. Апелляционный суд принял во внимание, что первоначальная рана к моменту смерти зажила в значительной степени, что врач должен был знать об аллергии, в итоге признал действие врача привходящей причиной, прервавшей развитие причинной связи, и установил, что Джордан не был «существенной и действующей причиной» смерти.
В 1959 г., тем не менее, в деле Смита (R v Smith [1959] 2 QB 35) суд установил причинную связь между ранением, нанесенным штыком военнослужащим в драке другому военнослужащему, и его последствиями, несмотря на то, что врач в состоянии переутомления не заметил проникающего ранения в легкое и в итоге лечение было «полностью плохим», что «вполне могло иметь влияние на шансы выздоровления» потерпевшего. Защита ссылалась на дело Джордана, но суд счел, что в отличие от дела Джордана в деле Смита рана не заживала, что дело Джордана — это частный случай, который зависел от конкретных фактов.
В небесспорном (см.: *Thomas M.* Op. cit. P. 78—79), но авторитетном решении по делу Чешира (R v Cheshire [1991] 3 All ER 670) было установлено, что подсудимый в ссоре

Наряду с действиями других лиц, развитие причинной связи может быть прервано *действиями потерпевшего*. Типичные ситуации: 1) случаи «угрозы и бегства» (*fright and flight*), когда потерпевший причиняет себе вред, спасаясь от преступника; 2) предоставление наркотиков; 3) отказ потерпевшего от медицинской помощи, усугубление им причиненного ему вреда по неосторожности или осознанно, самоубийство в результате неправомерных действий.

В случаях «угрозы и бегства» принципиальное значение имеет вопрос о том, были ли действия потерпевшего разумно предсказуемыми для подсудимого и соразмерными угрозе[35].

Проблема с *поставщиками наркотиков* возникает в случае, когда потерпевший, приняв наркотик, причиняет себе вред. В этом случае работает общее правило, согласно которому деяние потерпевшего прерывает развитие причинной связи, если оно свободное, волевое и осознанное. В деле Кеннеди подсудимый приготовил шприц с героином и дал его потерпевшему по его просьбе. Тот сделал себе инъекцию и умер. Кеннеди был осужден за причинение смерти, апелляционная инстанция оставила приговор в силе, его отменила Палата лордов на

выстрелил потерпевшему в ногу и живот, и он был осужден за убийство. Смерть наступила не от ран, которые на момент смерти зажили, а от осложнения, связанного с трахеотомией (сужением горла). Приговор в апелляционной инстанции устоял. «Даже если небрежное лечение потерпевшего явилось непосредственной причиной его смерти, присяжные не должны рассматривать это как обстоятельство, исключающее ответственность обвиняемого, кроме случаев, когда небрежное лечение было настолько значимым в причинении смерти...» (R v Cheshire [1991] 3 All HR 670).

[35] Подсудимый вез потерпевшую с вечеринки на автомобиле, стал сексуально домогаться ее, угрожать. Потерпевшая выпрыгнула на ходу из автомобиля, в итоге был причинен вред ее здоровью. Суд счел, что подсудимый мог разумно предвидеть действие потерпевшей (R v Roberts (1971) 56 CrAppR 95). В другом деле подсудимые были осуждены за причинение смерти в ситуации, когда потерпевший, ехавший автостопом, выпрыгнул из автомобиля, двигавшегося со скоростью около 30 миль в час, после угрозы отобрать у него деньги. Приговор был отменен в апелляционном суде, суд исходил из того, что присяжным должно было быть разъяснено, что нужно установить, были ли действия потерпевшего соразмерны угрозе (R v Williams and Davis (1992) 2 All ER 183), обогатив тем самым «соразмерностью» «разумную предсказуемость». Буквально это правило называют тестом на дурость потерпевшего (test of daftness). При определении разумной предсказуемости поведения потерпевшего присяжные должны учитывать особенности потерпевшего (возраст, умственные способности, опьянение и др.) и то обстоятельство, что он может с учетом ситуации действовать без размышлений. При этом психические особенности подсудимого не учитываются при решении вопроса о причинной связи, используется стандарт среднего человека (*ordinary person*). Особенности психики подсудимого учитываются не при установлении причинной связи, а при установлении вины (R v Marjoram [2000] CrimLR 372). Допускается и более пространное разъяснение правила присяжным, достаточно, чтобы они поняли без сомнений, что их просят соизмерить «природу угрозы», исходящей от противоправного деяния, с «формой бегства», предпринятого потерпевшим (R v Lewis [2010] EWCA Crim 151).

том основании, что погибший действовал свободно, добровольно и осознанно, разорвав течение причинной связи[36]. Ранее этот вопрос был небесспорным[37], и приведенное решение не относится к случаям, когда поставщик наркотика сам делает инъекцию потерпевшему, в том числе и по его просьбе[38].

Такие действия потерпевшего, как *отказ от медицинской помощи, усугубление причиненного вреда с умыслом и по неосторожности, в том числе самоубийство потерпевшего в результате жестокого обращения со стороны подсудимого,* по общему правилу не разрывают течение причинной связи.

При установлении причинной связи в Англии руководствуются правилом «тонкого черепа» (*thinskull rule*), известным также как правило «яичной скорлупы» (*egg-shell rule*), согласно которому «подсудимый должен принимать свою жертву такой, какой находит». Это означает, что причинитель вреда не вправе ссылаться в свою защиту на повышенную уязвимость (старость, малолетство, хрупкие кости, тонкий череп, гемофилию и др.) потерпевшего, даже если он не знает о ней. К примеру, если в результате незначительного ранения лицо, страдающее гемофилией, гибнет от потери крови, гемофилия не исключает понимание этого ранения в качестве причины смерти. Особая уязвимость потерпевшего может быть не связана с физическим состоянием. Потерпевшему, свидетелю Иеговы, нанесено ножевое ранение, тот по религиозным соображениям отказался от переливания крови и умер. Подсудимый был оправдан по обвинению в тяжком убийстве, но осужден за причинение смерти[39].

Что касается *«деяний Бога»,* то они разрывают течение причинной связи, если являются экстраординарными и разумно непредвидимыми. Это случается редко и не доходит до судов, поэтому исследователи вопроса, как правило, придумывают умозрительные ситуации с участием молний, обвалов зданий и т.п. По общему правилу силы природы развития причинной связи не прерывают. К примеру, после нападения подсудимого потерпевший был в состоянии комы. Умер он не от нанесенных травм, а от заражения крови. Подсудимый осужден за убийство, суд исходил из того, что подсудимый поставил потерпевшего в положение, уязвимое для любых инфекций[40]. Действие сил природы можно было предвидеть, риск заражения крови в состоянии комы значительно выше, чем в здоровом состоянии.

Дополнительное правило для установления причинной связи — *желаемые результаты никогда не бывают слишком отдаленными*. Таким образом, вина (*mens rea*) также имеет значение для установления причинной связи[41].

[36] R v Kennedy (No 2) [2008] 1 AC 269.

[37] См.: R v Rogers [2003] 1 WLR 1374 ; R v Finlay [2003] EWCA Crim 3868 ; R v Kennedy (No 2) [2005] EWCA Crim 685.

[38] R v Cato [1976] 1 All ER 260 ; R v Burgess [2008] EWCA Crim 516.

[39] R v Blaue [1975] 1 WLR 1411.

[40] R v Gowans [2003] EWCA Crim 3935.

[41] *Herring J.* Op. cit. P. 52 ; *Ashworth A.* Op. cit. P. 103.

Выводы

В Англии, как и в России, имеются теоретические разработки причинной связи, которых практика не замечает. Судебными прецедентами выработана сложная юридическая (нормативная) теория причинной связи, которая не сводится к теории эквивалентности и методу исключения, а предполагает моральную и уголовно-политическую оценку содеянного. В России специальной юридической теории причинной связи нет, суды решают вопрос о наличии причинной связи по большей мере интуитивно, заметен рост влияния теории эквивалентности, которая на самом деле не позволяет установить наличие юридически значимой причинной связи, а позволяет лишь сделать вывод о ее отсутствии.

В настоящее время российская уголовно-правовая доктрина переживает не лучшие времена в части понимания причинной связи. На научных мероприятиях озвучиваются предложения заменить причинную связь некой связью обусловливающей, в том числе и за рамками условия *sine qua non*, чему способствует и новое законодательство, к примеру о преступлениях против жизни. Это чревато разрушением уголовно-правовой доктрины в части объективной стороны преступления и необоснованным расширением уголовной репрессии.

Конечно же, английское право мы заимствовать не можем и не будем. Но сравнение позволяет сделать вывод о том, что нам нужна простая, понятная и пригодная для юридической практики теория причинности. Работа в этом направлении ведется, достаточно вспомнить труд З. Б. Сокоева, но представляется, что его теория, в принципе верная, слишком сложна для практического применения.

Безусловно, метод исключения необходимо сохранить в основе, но его недостаточно, разумная уголовная политика требует более узкого понимания причинной связи. В этом вопросе представляется целесообразным обратить внимание на английскую «предосудительность» деяния уже в момент его совершения или вспомнить вывод В. Н. Кудрявцева о том, что деяние уже в момент его совершения должно быть опасным. Хотя предосудительность — лучший критерий, ведь если последствие наступило, оно по факту было опасным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. — М., 1960.
2. Курс советского уголовного права : в 6 т. — М., 1970. — Т. 2 / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе.
3. *Курченко В. Н.* Проблемы квалификации преступлений в условиях фактической ошибки // Российский судья. — 2003. — № 9.
4. *Малинин В. Б.* Причинная связь в уголовном праве. — СПб., 2000.
5. *Сокоев З. Б.* Причинность и объективная сторона преступления. — М., 2015.
6. *Спиридонова Л. Э.* Уголовно-правовое значение фактической ошибки в личности потерпевшего при квалификации преступлений против жизни // Криминалистъ. — 2012. — № 2 (11).
7. *Трайнин А. Н.* Избранные труды. — М., 2004.
8. *Ashworth A.* Principles of Criminal Law. — Oxford, 2009.

9. *Hart H. L. A., Honore A. M.* Causation in the Law. — Oxford, 1959.
10. *Heaton R., De Than C.* Criminal Law. — Oxford, 2011.
11. *Herring J.* Criminal Law. — London, 2009.
12. *Moore M. S.* Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals and Metaphysics. — Oxford, 2009.
13. *Ormerod D.* Smith and Hogan Criminal Law. — Oxford ; New York, 2008.
14. *Thomas M.* Criminal Law. — Saltford, 2020.
15. *Witjens E.* Considering causation in criminal law // The Journal of Criminal Law. — 2014. — 78 (2).